

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Статья О. В. Егорова

Международное объединение революционных писателей (МОРП, 1930—1935) и его прямой предшественник — Международное бюро революционной литературы (МБРЛ, 1926—1930) — сыграли значительную роль в истории литературы второй четверти XX века.

Политическое самосознание многих писателей — будущих деятелей МОРПа — пробудилось в годы первой мировой войны. Гигантским маяком, указавшим А. Барбюсу, И. Р. Бехеру, Б. Иллешу, Л. Ренну, М. Залке и другим художникам путь к социализму и социалистическому искусству, явилась Октябрьская революция.

Нетрудно проследить, как созревали духовные предпосылки новой эпохи всемирной литературы. Предыстория мировой литературной революции, идейным содержанием которой явилось сосредоточение крупных художественных сил мира на стороне социалистической революции, неотделима от раннего, общедемократического периода — периода «брожения умов» и начавшейся переоценки духовных ценностей, вызванной первой мировой войной. Война привела к энергичному росту революционного сознания в массах; она содействовала превращению обывателя в активно действующего человека. Как отмечал В. И. Ленин, под влиянием войны созрели интернационалистические воззрения А. Барбюса, четко проступившие в его романе «Огонь»¹. Усилился в те годы социальный критицизм и в произведениях М. Андерсена-Нексё. Офицер кайзеровской армии Л. Ренн вступил в период мучительной, но плодотворной духовной перестройки. А. Цвейг и Л. Фейхтвангер пересмотрели свои старые творческие убеждения, они стали страстными противниками войны. Увеличивался круг художников, которые стремились освободиться от буржуазной ограниченности и сбросить с себя парализующее влияние эстетики декаданса.

Животворное воздействие Октября и социалистического строительства в Советском Союзе с тем большей силой отразилось на судьбах многих художников, что сами зарубежные писатели искали выход из общества, законом существования которого, как они убедились, является захватническая война. «Теперь я твердо знаю, — писал в 1930-х годах Л. Фейхтвангер, редактировавший в то время вместе с Б. Брехтом и В. Бределем антифашистский журнал «Das Wort», — что мое литературное развитие определили два крупных события: переживания империалистической войны и впечатления от социалистического общества в Советском Союзе»².

Литературная революция, которой предшествовал резкий сдвиг в мировоззрении левой интеллигенции на Западе, была обусловлена Октябрем и победой социализма в нашей стране. Она неразрывно связана с новыми художественными идеалами и становлением мирового искусства социалистического реализма.

Социалистическая революция ускорила созревание пролетарских литератур в Германии, Чехословакии, Франции, Болгарии, Англии, США и других странах. Первые шаги социалистического реализма можно проследить в литературе 1920-х годов на произведениях различных по своему творческому почерку художников — П. Вайяна-Кутюрье, Дж. Рила, К. Грюнберга, Б. Иллеша, Ю. Фучика, М. Майеровой, Х. Смирненского и многих других. Писатели, утверждавшие своим творчеством социа-

листическое искусство, переживали в это время период бурных исканий. Наряду с выдающимися достижениями у них встречалось, разумеется, и немало срывов. Нередко просчеты молодого искусства были обусловлены болезнью «левизны» и чрезмерным пуризмом. Авангардизм порой вырастал на основе неверно понятой сущности новаторства. Иногда заблуждения зарубежных художников имели своим истоком механическое копирование советского литературного опыта и объяснялись усугублением неверных пролеткультовских и рапповских установок. Однако, несмотря на все трудности, преодолевая и отбрасывая их, пролетарское искусство успешно двигалось вперед.

Став частью общепролетарского дела, литература испытывала стремление к широкому, в том числе и международному, формам организационного единства. Время требовало от социалистических литератур взаимной дружеской поддержки. Литературная борьба нуждалась для координации действий в едином центре. Ни одно направление прошлого не утверждало себя на международной арене при столь активном противоборстве, какое встретил социалистический реализм со стороны охранительного искусства. Инициатива в созыве международного представительства социалистических литератур принадлежит советским писателям. Она была проявлена еще тогда, когда в нашей стране бушевала гражданская война.

В августе 1920 г. на втором конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве делегаты организовали Временное Международное бюро Пролеткульта. В состав Бюро вошли А. В. Луначарский и В. Полянский (П. И. Лебедев) от Советской России; В. Герцог и М. Бартель от Германии; Дж. Рид от США; Р. Лефевр от Франции, а также представители Англии, Австрии, Италии, Бельгии, Швейцарии и Норвегии.

Официальное сообщение, опубликованное в связи с образованием Бюро, гласило:

«По предложению Центрального комитета Всероссийского совета Пролеткульта мы обсудили великую проблему борьбы за пролетарскую культуру и решили создать Временное Международное бюро Пролеткульта.

Первой задачей Бюро будет распространение принципов пролетарской культуры, создание организаций Пролеткульта во всех странах и подготовка Всемирного конгресса Пролеткульта»³.

Обращение к «Братьям пролетариям всех стран», принятое тогда на Международном бюро⁴, примечательно выдвинутым рядом положений, характерных для всей литературной политики Пролеткульта. Бюро отметило, во-первых, что пролетарское искусство должно развиваться во всех странах, независимо от их социального устройства. Решительно отвергались теории, согласно которым революционная эпоха отодвигает будто бы на неопределенное время становление пролетарского искусства. «Нельзя отмахнуться от тончайших форм культуры, литературы и искусства как от роскоши для такого тяжелого времени,— говорилось в обращении,— как от цветов и плодов, которые могут появиться лишь гораздо более поздним пролетарским летом». Во-вторых, было провозглашено, что создание пролетарского искусства должно стать делом самого пролетариата. И, в-третьих, Бюро отмечало, что в борьбе за пролетарскую культуру пролетариат должен овладеть всем культурным достоянием прошлого и настоящего, но что к плодам старой культуры следует относиться строго критически.

В глаза сразу же бросается сектантская узость второго положения; достаточно хорошо известно также, что намерение «относиться строго критически» ко всем плодам старой культуры свелось на практике к попытке отгородить непроеходимой стеной пролетарскую культуру от всего гуманистического наследия. Однако критическая оценка программы Международного Пролеткульта не должна заглушать важности первого положения,— что пролетарская литература способна развиваться во всех странах, независимо от их социального устройства. И дело не только в том, что к 1922 г. ячейки Пролеткульта действительно были созданы в Германии, Чехословакии, Италии и некоторых других странах. Важна принципиальная теоретическая ценность этой мысли, ее направленность против капитулянтских взглядов на будущее пролетарских литератур в капиталистических странах.

С 1917 г. и вплоть до середины 1930-х годов особенно актуальным был вопрос о политическом самоопределении зарубежных писателей, об их отношении к революции и диктатуре пролетариата. На сторону революции становились не только писатели-

рабочие, во и многие представители интеллигенции, как Б. Шоу, Г. Уэллс, И. Р. Бехер, Т. Драйзер, Р. Тагор, посетившие Советскую страну и выразившие горячую симпатию строителям новой жизни. Стихотворение Бехера «Привет немецкого поэта Российской Советской Федеративной Социалистической Республике» (1919) принадлежит к числу первых подлинно художественных откликов на события в России, и оно прозвучало как клятва верности идеям революции. Незадолго до смерти Бехер в беседе с автором этих строк не без гордости говорил о своем приоритете в художественной интерпретации темы, которая на более широком полотне была разработана Дж. Ридом, а потом заняла огромное место во многих литературах мира.

Международное Бюро Пролеткульта.

Во время II Конгресса Коммунистического Интернационала, после частных совещаний с делегатами отдельных стран и официальных совместных заседаний, было организовано Международное Временное Бюро Пролеткульта.

В него вошли представители следующих стран: В. Мак-Лейн, Т. Квелч (Англия), Р. Лефевр (Франция), В. Герцог, М. Бартель (Германия), К. Томани (Австрия), Н. Бомбаччи (Италия), Вар Ван Оверстраетен (Бельгия), Ю. Эмбер-Дроз, В. Брингольф (Швейцария), Джон Рид (Америка), А. Луначарский, В. Полянский (Россия), Лагсет (Норвегия).

Бюро избрало Исполнительный Комитет из семи членов: А. Луначарский (председатель), В. Полянский (секретарь); члены: В. Мак-Лейн, Р. Лефевр, В. Герцог, Н. Бомбаччи, Ю. Эмбер-Дроз.

По организационному вопросу собравшиеся представители вынесли резолюцию: «По предложению Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта мы обобудили великую проблему борьбы за пролетарскую культуру и решили создать Временное Международное Бюро Пролеткульта».

Первой задачей Бюро будет распространение принципов пролетарской культуры, создание организаций Пролеткульта во всех странах и подготовка Всемирного Конгресса Пролеткульта».

СООБЩЕНИЕ О СОЗДАНИИ «МЕЖДУНАРОДНОГО ВРЕМЕННОГО БЮРО ПРОЛЕТКУЛЬТА»,
АВГУСТ 1920 г.

«Пролетарская культура», 1920, № 17-19 (август—декабрь)

Необходимо подчеркнуть, что связи советской литературы с зарубежным искусством далеко выходили за рамки Международного Пролеткульта. Гораздо более тесными, чем раньше, стали русские связи замечательных писателей XX в. — Б. Шоу, Г. Уэллса, Р. Роллана, Ст. Цвейга, воплотившиеся в их долготелней дружбе и переписке с А. М. Горьким. С другой стороны, активизировалась деятельность и Горького, установившего с западноевропейскими писателями многообразные литературные контакты. Значительно улучшилась и расширилась в Советской России популяризация классиков зарубежных литератур, а также современных писателей. Издательство «Всемирная литература», руководимое А. М. Горьким, приступило уже с 1919 г. к выпуску в свет обширной серии переводных изданий, охватывавшей лучшие произведения мировой литературы. Поездки за рубеж В. Маяковского, С. Есенина, К. Федина, И. Бабеля способствовали ознакомлению Европы и Америки с достижениями советской литературы и укрепляли международные литературные связи.

10 июля 1924 г. в Москве состоялось совещание представителей пролетарских писателей Советского Союза с делегатами V конгресса Коминтерна. Совещание признало необходимым объединить пролетарских писателей в сплоченные ассоциации по странам, а эти ассоциации — в Интернационал пролетарской литературы. Совещание выдвинуло бюро, которому надлежало подготовить такое объединение.

13 сентября того же года появилось обращение «Пролетарским и революционным писателям всех стран», призывавшее к сплочению всех революционных художников мира. По поручению Международного бюро связи пролетарской литературы обраче-

ние подписали Д. Бедный, А. Безыменский, С. Валайтис, Гейнц Каган, А. В. Луначарский, Э. Люнион, Э. Лякост и другие. Бюро указало на историческую неизбежность принятия каждым честным художником идей социализма и на присущую только пролетарскому движению способность создавать для творчества прочную и плодотворную гуманистическую основу. «В наше время для истинного художника нет другого выхода, как примкнуть к борьбе за освобождение пролетариата. Капитализм ведет человечество к распаду и дегенерации, в то время как пролетарская революция ставит себе целью общественную систему, которая обеспечила бы расцвет творческих сил, гармоническое развитие индивидуума и коллектива»⁵.

Этот политический и эстетический манифест предусматривал обширную организационную программу действий. В нем четко проступает желание отгородить честного художника от влияний упадочнической литературы, сдвинуть его с позиций «нейтральности». Вместе с тем было признано, что всю организационную работу следует начать сывнова.

Своеобразным дополнением к манифесту стало воззвание «Голос писателей в защиту культуры, против войны», опубликованное в связи с десятилетием начала мировой войны и подписанное литературными организациями Советского Союза. Это воззвание примечательно признанием заслуг зарубежных писателей-демократов в защите СССР от империалистических происков и в борьбе против новой войны. «Товарищи, — говорилось в обращении, — протестуйте вместе с нами против всех войн, направленных к порабощению наций, к угнетению человечества, боритесь со строем наемного рабства, угрожающего новыми войнами. Будьте с нами так же, как были с нами Ромэн Роллан, Анатолий Франс, Дюамель, Синклер, Шоу, Барбюс, Келлерман, Мартине и Толлер <...> Во имя человечества, во имя культуры, долгой войны!»⁶

Бюро стремилось расширить плацдарм международных писательских сил, на который намерено было опереться, но в то же время оно не было свободно от сектантских установок «напостовцев». Вопрос о «попутчиках» в той жесткой и нетерпимой форме, в какой он тогда возникал, сковывал действия Бюро. Тем более знаменательным кажется то обстоятельство, что необходимость единства социалистических и общедемократических требований, провозглашенная в обоих документах, встретила горячий отклик во многих странах. Так, в Германии возникла интернациональная «Группа 1925», в состав которой, кроме коммунистов И. Р. Бехера и Э. Э. Киша, вошли также Б. Брехт, Л. Франк, А. Деблин, И. Рот и другие. Это явилось первым подтверждением возможности объединения художников, придерживающихся различных творческих и политических убеждений.

Аналогичные задачи возникали перед советской и прогрессивной зарубежной литературой, несмотря на принципиальные различия в условиях их развития. Упрочение диктатуры пролетариата в СССР сопровождалось в период нэпа непрерывными попытками «идеологического обволакивания»⁷ рабочего класса буржуазной идеологией. В свою очередь, в странах капитала важно было усилить борьбу за высвобождение рабочих масс из-под власти буржуазных и мещанских предрассудков. «И там и здесь идеологическое вооружение пролетариата — одна из важнейших задач»⁸. Пролетарская литература была призвана служить острым идеологическим оружием, направленным на воспитание революционной воли рабочих масс и укрепление их классового самосознания. Однако для этого требовалось еще более прочно объединить усилия пролетарского искусства, пока еще распыленного и разрозненного, нужно было, чтобы искусство опиралось на передовое общественное движение, на поддержку национальных коммунистических партий, сохраняя при этом за собой полную свободу в области художественных поисков и открытий. «Абсолютная свобода творческих исканий, неуклонное участие своим творчеством в освободительной борьбе пролетариата — вот основные лозунги <...> Втягивание всех пролетариев, приобретающих к поэтическому творчеству, и развитие этих мировых творческих сил, — вот организационный принцип и задача»⁹.

В условиях стабилизации капитализма Бюро стремилось поддержать революционный дух в массах и помогало писателям верно ориентироваться в новой обстановке.

В 1925—1926 гг. Международное бюро пролетарской литературы пополнилось

ДЕЛЕГАТЫ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ
И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В центре в первом ряду (справа налево): Леон Муссиак, Франсис Журден, Панант Истрати

Фотография, Москва, ноябрь 1927 г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

новыми членами. В его состав вошли: Б. Иллеш (Венгрия), И. Р. Бехер (Германия), Н. Хикмет (Турция), Сен-Катаяма (Япония), Рой (Индия), сблизив литературу Востока и Запада организационными нитями. Когда 17 марта 1926 г. открылся пленум Бюро, на нем присутствовало уже свыше ста представителей искусства Запада и Востока.

В судьбах Международного бюро революционной литературы (так оно стало называться после мартовского пленума 1926 г.) переломную роль сыграла известная резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925). Важнейшие положения резолюции: завоевание пролетарскими писателями ведущих позиций в национальной литературе благодаря овладению высотами художественного мастерства, актуальность борьбы против сектантских тенденций и администрирования в литературе и против тона «литературной команды» в критике, призыв «обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним», — эти положения помогли Бюро преодолеть немало своих прежних заблуждений (в частности, попытку создать Литературный интернационал с ведущей ролью «напостовцев»). Именно отсюда берет свое начало второй — основной и главный — этап в истории международных революционных литературных организаций (1926—1935).

Крупнейшим событием конца 1920-х годов стала первая Международная конференция пролетарских и революционных писателей. Она открылась 15 ноября 1927 г. в Москве, в дни празднования десятой годовщины Октября.

Собрались друзья Советского Союза, полпреды пролетарской литературы, само существование которой все еще бралось под сомнение некоторыми теоретиками. Писатели выступили в прессе со статьями и приветственными речами. Э. Э. Киш опубликовал в «Известиях» от 23 октября примечательную статью «Отражение Октябрьской

революции в немецкой литературе», показав в ней преобразующую роль идей революции в творческих исканиях немецких писателей. И. Р. Бехер, как бы дополняя Киша, рассказал о новейших достижениях немецкой революционно-пролетарской литературы¹⁰. А. Барбюс говорил об опасности войны; он заявил: «Надо защищать социалистическое государство от его клеветников, защищать от его разрушителей»¹¹.

В прочитанном на конференции докладе А. В. Луначарского «Этапы роста советской литературы», в выступлении Ф. К. Вайскопфа, посвященном достижениям пролетарской литературы Центральной и Западной Европы, в речи Б. Иллеша, четко обрисовавшего рост коммунистической печати в капиталистических странах, содержалась уверенность в том, что мировая пролетарская литература стоит на верном пути и что читатели вправе ожидать появления новых крупных талантов. Бехер подчеркнул, что дальнейшему расцвету немецкой литературы могут способствовать новые международные литературные контакты и особенно связи с советскими писателями.

На конференции присутствовали и писатели с неустоявшимися, чрезвычайно противоречивыми взглядами на задачи и пути развития революционных литератур. После бурного обмена мнениями удалось определить общую точку зрения, которая сводилась к следующим положениям. Советская литература и передовое искусство капиталистических стран развиваются в разных условиях и имеют свои специфические особенности. В каждой стране, в том числе и в СССР, необходимо добиваться ведущего положения для пролетарской литературы, привлекая на свою сторону и крестьянскую литературу. Необходимо немедленно приступить к созданию союзов революционно-пролетарских писателей во всех капиталистических странах, особенно там, где, как в Германии, разворачиваются ожесточенные классовые бои. Каждый член той или иной национальной секции должен признать необходимость двух основных задач и практически участвовать в их решении — борьбе против империалистической войны и борьбе против фашизма и белого террора. «Намеченный план, — писал в 1928 г. Иллеш, — расширял поле деятельности несколько в правую сторону, так как надо было попытаться втянуть в работу, по возможности, писателей и буржуазных, и национально-революционных, и свободомыслящих, и буржуазно-радикальных, т. е. писателей, не имеющих ничего общего с коммунизмом, марксизмом и пролетарской культурой, но в то же время готовых восстать против империалистических appetitов „белого террора“»¹². Точку зрения, на которую становилось Бюро, можно считать, в тех условиях, единственно правильной. И дело было отнюдь не в «поправении» его деятельности. Не являясь чисто пролетарской организацией, Бюро могло рассчитывать на успех только при условии опоры на широкие круги революционно мыслящих и демократически настроенных писателей.

Международное бюро революционной литературы наметило две основные линии дальнейшей деятельности, которые в своей совокупности служили основной цели — сплочению всех лучших художников мира, независимо от их тяготения к тому или иному творческому методу, для решения важнейших политических и художественных проблем времени.

Бюро стремилось привлечь демократически настроенных художников, не входящих в его состав, к участию в различных кампаниях протеста, особенно протеста против угрозы СССР со стороны милитаристских государств. Анкета 1930 г. с вопросом «Какова будет ваша позиция в случае объявления войны империалистическими державами СССР?» собрала различные ответы, свидетельствовавшие о разной степени внимания писателями опасности международной ситуации¹³. Но основная масса писем и телеграмм выражала требование, которое в письме Р. Роллана прозвучало наиболее кратко и выразительно: «Руки прочь от СССР!»¹⁴.

Смотр антивоенных писательских сил вызвал злобное негодование на страницах буржуазной печати. Не обошлось и без фальшивок. Так «Corriere della Sera» заявила, что Р. Роллан будто бы дал враждебный Советскому Союзу ответ, а «Berliner Tageblatt» напечатала вымышленное интервью с Э. Синклером, далекое по своему содержанию от истинных антивоенных взглядов американского писателя. Несмотря на нападки оруженосцев войны, кампания в целом удалась, и заявление, сделанное И. Лендьелом: «Возьму оружие в руки», — выразило ее самый глубокий смысл.

Воспитание новой «художественно вооруженной» гвардии рабочих корреспондентов было признано второй и не менее важной линией в деятельности Международного бюро. Ожидалось появление из рядов рабкоров крупных литературных фигур, будущих и, пожалуй, единственных создателей социалистического искусства. В этой склонности к преувеличению роли рабкоров нетрудно уловить дыхание времени, когда сектантские иллюзии нередко возникали в пылу полемики с капитулянтскими суждениями о «прозябании» пролетарской литературы при капиталистическом строе. В реальной действительности упорная ставка на рабкоров значительно сужала и упрощала сложный процесс роста социалистического искусства. И все же рабкоровское движение сумело выдвинуть немало примечательных талантов. Назовем хотя бы имена таких немецких писателей — в прошлом рабкоров — как В. Бредель, Г. Мархвица, Г. Лорбеер, К. Грюнберг, Л. Турек. Недавно, в связи с кончиной Мархвицы, Культурбунд ГДР с полным основанием отметил, что путь Мархвицы от рабочего корреспондента к писателю является живым доказательством духовной и художественной силы рабочего класса¹⁵.

Творческие достижения членов МБРЛ закреплялись конкретными организационными формами. В 1930 г. число стран, в которых функционировали пролетарско-революционные организации, достигло восьми. Это РАПП в СССР, германская, венгерская, австрийская, польская, чехословацкая, американская и японская национальные секции. Тремя годами ранее только советские писатели располагали своим журналом; теперь же в распоряжении Бюро, кроме центрального органа — журнала «Вестник иностранной литературы», имелось еще три официальных журнала: немецкий — «Die Linkskurve», венгерский «Sarló és Kalapács» и польский «Kultura Mas».

6 ноября 1930 г. в Харькове открылся расширенный пленум МБРЛ, переименованный в процессе работы во вторую Международную конференцию революционной литературы. С этого момента организация получила наименование *Международное объединение революционных писателей* (МОРИ). На конференции присутствовало свыше ста делегатов с четырех континентов — Европы, Азии, Африки и Америки, из двадцати двух стран. Восемьдесят пять процентов делегатов состояли членами коммунистических партий. Эта цифра, как отмечал Я. Матейка, свидетельствовала о том, что «работа с мелкобуржуазной революционной интеллигенцией была еще довольно слаба»¹⁶. В советскую делегацию, которую возглавлял А. Серафимович, вошли А. Фадеев, Ф. Панферов, В. Киршон, Б. Ясенский, Н. Огнев, Э. Багрицкий, А. Исбах, И. Микитенко и др.

Отчетный доклад о работе МБРЛ сделал Б. Иллеш. С докладами выступили И. Р. Бехер, А. Халатов, М. Голд. Яркую речь произнес Л. Арагон. Был избран новый президиум из двадцати пяти человек, в его состав вошли А. Барбюс, И. Р. Бехер, А. Гидаш, Г. Мархвица, М. Голд, А. Серафимович, Ф. Панферов, Б. Ясенский и др. Президиум выделил секретариат во главе с ответственным секретарем Б. Иллешем¹⁷.

Докладу И. Р. Бехера Союз пролетарско-революционных писателей Германии придавал особое значение. Письмо Л. Ренна от 16 августа 1930 г., адресованное МБРЛ, весьма знаменательно: в нем содержится оценка немецкими писателями их собственной роли в международной организации. Ренн выражал несогласие с первоначальной повесткой конференции, которой не предусматривался докладчик от Германии, он справедливо считал, что опыт работы Союза пролетарско-революционных писателей Германии — самой влиятельной среди зарубежных организаций, координирующей деятельность нескольких писательских объединений Западной Европы и поддерживающей через японского представителя в Берлине крепкие дружеские связи с японской секцией, был бы в высшей степени полезен для всех делегатов (см. стр. 134—136 настоящей тома).

В докладе «Военная опасность и задачи революционных писателей» И. Р. Бехер подчеркнул насущную необходимость для революционных художников по-марксистски осмыслить классовую сущность войны и в совершенной художественной форме отобразить ее.

Пацифистская литература (Бехер сослался при этом на Э. М. Ремарка) изображает страдания и ужасы войны. Но она далека от понимания истинных причин им-

периалистических войн. Поэт назвал тематику, которую зарубежная литература должна еще освоить: строительство социализма в Советском Союзе дает ни с чем не сравнимый творческий материал. Поэт сам вскоре показал пример, создав поэму «Великий план» (1931) — подлинный эпос социалистического строительства.

Оживленная дискуссия развернулась по вопросу о пролетарской литературе во Франции. Журнал «Monde», признанный органом МБРП, в ряде случаев занимал аполитичную позицию, открывая свои страницы представителям различных идеологических течений. Появлялись в «Monde» и враждебные Советскому Союзу статьи П. Истрати и др. Поставив на обсуждение проблему о сущности и будущем социализма, журнал опубликовал без комментариев выступления немецких политических ренегатов Г. Брандлера и А. Тальгеймера. Стремясь выйти за жесткие рапповские границы и привлечь к себе симпатии широких творческих кругов, «Monde» иногда терял необходимую принципиальность.

Конференция приняла «Резолюцию о журнале „Monde“» и потребовала четкого осуществления принципа пролетарской партийности.

Следует подчеркнуть, что руководство МОРПа в своем отношении к А. Барбюсу как редактору «Monde» не проявило достаточной гибкости и такта. Не изъявило оно и желания глубоко разобраться в истинных целях журнала. С особой наглядностью выявилось решающее противоречие всей деятельности МОРПа: программные заявления и декларации нередко нарушались ошибочной тактикой, которая приводила на практике к голому администрированию. Это обстоятельство больно затронуло в те годы не только А. Барбюса. Отношение некоторых деятелей МОРПа к М. Андерсену-Нексё, А. Цвейгу, Ст. Цвейгу, А. Деблину было еще более нетерпимым. МОРП нередко рассматривал себя в 1930—1932 гг. только как административную организацию, повторяя в этом ошибке РАППа. Все же в 1932 г., когда Барбюс приехал в Москву на чествование А. М. Горького, разногласия между французским писателем и секретарем МОРПа были в основном ликвидированы.

Важнейшим теоретическим и практическим результатом Харьковской конференции было реальное подтверждение возможности расцвета пролетарской литературы в капиталистических странах еще до победы в них социалистической революции. Формирование писателя нового типа стало общепризнанным фактом. Новый писатель, как говорил И. Р. Бехер, пишет и борется, исходя не из смутного влечения к пролетарским массам, а как человек, твердо убежденный в исторической миссии рабочего класса. Необязательно, чтобы такой писатель происходил из пролетарской среды. Но он обязательно должен овладеть всем богатством мысли, которым обладает марксистско-ленинское учение.

В июне 1931 г. делегация Международного объединения революционных писателей посетила А. М. Горького. В состав этой делегации вошли Б. Иллеш, И. Р. Бехер, Дж. Джерманетто, А. Гидаш. Иллеш информировал Горького о работе МОРПа, в которой основоположник советской литературы обещал принять участие. В дни празднования сорокалетия литературной деятельности А. М. Горького (сентябрь 1932 г.) вновь избранный секретариат МОРПа направил ему послание, в котором особо выделял направляющую роль Горького в творческих судьбах многих зарубежных писателей: «Сколько пролетариев и сколько крестьян осознали правоту коммунистического пути, читая ваши книги! Их количество неисчислимо. Скольких людей вы сделали писателями, скольких писателей заставили испытать влияние вашего мощного таланта во всех уголках земного шара. Вы научили тому, что литература есть оружие классовой борьбы. Вы расчистили дорогу пролетарским писателям всех стран»¹⁸.

В состав руководящих органов МОРПа вошли различные по своим «жанровым» функциям комиссии и секции. Так, секция крестьянской революционной литературы должна была содействовать развитию искусства в среде ближайшего союзника пролетариата. Активно действовавшая Восточноазиатская секция была построена по региональному принципу и с обострением обстановки на Дальнем Востоке в 1931—1932 гг. проявила много энергии, оказывая помощь китайским, корейским и японским писателям. В воззвании «Ко всем революционным писателям мира» от 25 января 1931 г.

А. М. ГОРЬКИЙ

Рисунок (карандаш, тушь) Фреда Эллиса, 1932

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

МОРП заклеил белый террор Чан Кай-ши и преследование китайских революционных писателей. Указав на запрещение революционных книг в Китае и на расстрел группы писателей в Шанхае, МОРП призвал деятелей международной литературы к решительной и последовательной борьбе против террора Чан Кай-ши.

При содействии Восточноазиатской секции китайские и японские писатели получили доступ в советские журналы и прежде всего в печатные органы МОРПа. Лу Синь, Го Мо-жо и Токунага Наоши вошли вместе с А. М. Горьким, Р. Ролланом, А. Барбюсом, М. Андерсенем-Нексё, Э. Синклером и Дж. Дос Пассосом в редакционный совет «Интернациональной литературы» — нового журнала МОРПа (с 1933 г.).

Продолжая традиции МБРЛ, в 1932 г., когда японская военщина напала на Китай и война близко подошла к границам СССР, МОРП обратился с открытым письмом ко всем писателям мира. «На Дальнем Востоке огонь войны уже бушует и грозит захватить весь мир...» — так начиналось это обращение. — «Нельзя терять ни минуты! — говорилось в письме. — Война стала фактом, война уже идет, и <...> если мы не сумеем мобилизовать широкие трудящиеся массы против войны, — половина земного шара превратится в ближайшее время в театр военных действий»¹⁹.

Грозные факты заставили писателей, ранее отрицавших возможность войны, присоединиться к голосу МОРПа. Особенно характерны ответы Ст. Цвейга и Ш. Андерсона на новую анкету МОРПа, состоявшую из одного вопроса: «Что вы делаете, что вы намерены сделать сейчас, когда империалистическая война уже началась,

когда японский милитаризм громит уже Китай, когда война, вспыхнувшая на Востоке, грозит превратиться в войну всех империалистов против СССР?»

Ст. Цвейг писал: «Вы имеете слишком много оснований крайне настойчиво указывать своей стране и другим странам на грозящую опасность войны <...> Два года тому назад мне казалось — и я открыто вам это высказывал — что война невероятна <...> Но с тех пор как с такой силой разразился кризис, для некоторых групп предприятий не оказалось другого выхода из хаоса, как создать еще больший»²⁰.

«Я в войны не верю», — писал Ш. Андерсон в 1930 г. Теперь же он заявил, что это «старая история, и она, я уверен, будет продолжаться все время, пока золото правит миром»²¹.

Переключка друзей мира вылилась в проверку готовности к действию всего литературного фронта. Гневом и возмущением дышали ответы на анкету МОРПа Р. Роллана, А. Барбюса, Ж. Р. Блока, О. М. Графа, Кете Кольвиц, Берты Ласк, В. Бределя, И. Ольбрахта, Э. Вайнерта и многих других. В этих ответах — осуждение не только японского милитаризма, но всей империалистической системы. В письмах, присланных Союзом пролетарско-революционных писателей Австрии, нью-йоркским, филладельфийским и голливудским клубами Джона Рида, председателем Общества «Rebel Poets» Дж. Конроем (штат Миссури), содержалась конкретная программа мобилизации общественного мнения против японской интервенции и угрозы военного нападения на Советский Союз.

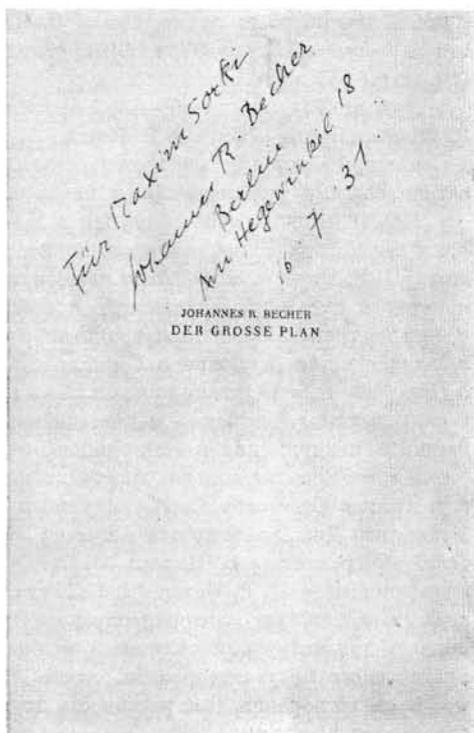
Главную мысль многочисленных ответов можно выразить словами Берты Ласк, характеризующими Советский Союз как хранителя вековой культуры человечества. «Капиталистический мир начал наступление, — писала Ласк. — Каждый писатель, которому дорога человеческая культура, должен стать на сторону рабочего класса и СССР, должен приложить все усилия для пробуждения народных масс»²².

Советские писатели приняли горячее участие в кампании, организованной МОРПом. Яркими патриотическими выступлениями откликнулись Л. Леонов, Н. Асеев, В. Инбер, И. Сельвинский, В. Катаев, В. Лидин, Л. Никулин и др. Произошло значительное событие, сблизившее — идейно и организационно — различные литературы мира, способствовавшее их взаимопониманию. «Через рогатки границ, впервые, в грозный час надвигающейся войны советский писатель и революционный писатель Запада и Востока обмениваются боевым рукопожатием», — отмечалось в журнале «Литература мировой революции»²³.

Стремясь умножить контакты и с теми зарубежными художниками, которые не обладали устойчивыми политическими воззрениями и настороженно относились к революционной культуре и социалистическому строительству, МОРП предпринял попытку наладить сотрудничество с Пен-клубом, поскольку его руководство неоднократно заявляло о своих антивоенных устремлениях. Однако председатель Пен-клуба Дж. Голсуорси, как сообщил автору настоящей статьи в 1962 г. Б. Иллеш, отказался принять представителей МОРПа. Голсуорси согласился вести переговоры только с делегацией советских писателей. Но вскоре были прерваны переговоры и с ними.

МОРП помог национальным объединениям в составлении боевой, подлинно партийной программы работы. И. Р. Бехер с признательностью отзывался о содействии, оказанном немецкому Союзу пролетарско-революционных писателей в преодолении литфронтовских установок, содержавшихся в первом проекте программы Союза. МОРП оказал помощь, писал Бехер, «не только в критике проекта программы, но и прежде всего помогает в составлении новой программы» (см. на стр. 115 его письмо к Б. Иллешу от 24 декабря 1931 г.).

Идейно-воспитательная и информационная работа постепенно вытеснила «административную команду» и стала эффективной формой жизнедеятельности МОРПа. Важную роль сыграли поездки по Советскому Союзу отдельных зарубежных художников и целых писательских бригад. Непосредственное знакомство с достижениями социалистического строительства и с советскими людьми порой оказывало решающее воздействие на творческие судьбы художников. «...Я стал писателем-общественником, — заявил в 1932 г. Майкл Голд, — в результате поездки в Советский Союз и в значительной степени освободился от сентиментальности; я познал действи-

КНИГА ИОАННЕСА Р БЕХЕРА «DER GROSSE PLAN. EPOS DES SOZIALISTISCHEN AUFBAUS». BERLIN, 1931 («ВЕЛИКИЙ ПЛАН. ЭПОС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»)

Экземпляр с дарственной надписью А. М. Горькому (перевод):

«Максиму Горькому Иоганнес Р. Бехер. Берлин, Hegewinkel, № 18. 16.7.31»

Обложка Макса Кейльсона и шмуцтитул

Архив А. М. Горького. Москва

тельность»²⁴. Публикуемая в этом томе «Сказка» Б. Балажа — обаятельное поэтическое повествование о духовном перерождении ее автора, впервые прпехавшего в Советский Союз (см. стр. 422—426 настоящей тома).

Б. Ясенский, автор написанного в конце 1920-х годов во Франции бунтарско-анархистского памфлета «Я жгу Париж» (это был своего рода ответ на книгу П. Морана «Я жгу Москву», 1925), а потом ответственный редактор журнала «Литература мировой революции», создал в СССР свой лучший роман «Человек меняет кожу». Произведение это стало заметным событием советской литературной жизни. Ясенский пересмотрел в Советском Союзе арсенал своих художественных средств и пришел к выводу, что правдивый показ советской действительности нельзя втиснуть в привычные рамки, так как в соприкосновении с нею «плавятся все созданные до сих пор литературные формы»²⁵. Старые конфликты, как например конфликт между долгом и чувством, между отцами и детьми, не могут быть механически перенесены в советскую литературу. Новая реальность наполняет старый конфликт новым содержанием. Из факта психологического и факта литературного, говорил Ясенский, подобный конфликт стал в Советской стране фактом социальным, изменилось само его качество, и он вновь стал свежим, полноценным элементом подлинного эпоса.

Посетив в 1930 г. Советский Союз, Ю. Фучик восторженно отзывался об увиденном. Его решимость защищать мир социализма стала еще прочнее. «Сейчас я как раз разъезжаю по Советскому Союзу, — писал Фучик, — и собственными глазами вижу чудеса пролетарского энтузиазма. Я вижу грандиозное строительство социализма (...). Я вижу, как под руками пролетарской диктатуры расцветает богатая отсталая Средняя

Азия. И теперь знаю лучше чем когда бы то ни было, что наша первая обязанность — это не допустить нападения обанкротившихся капиталистов на Советский Союз...» (см. стр. 555 настоящ. тома).

Для многих писателей — А. Барбюса, И. Бехера, Л. Арагона, П. Илемнишко, Р. Фокса, Берты Ласк, Э. Э. Киша, А. Голичера, Ф. К. Вайскопфа и др. — поездки в Советский Союз явились импульсом для дальнейшего развития их таланта. Эти писатели создали произведения, в которых воспели «чудеса пролетарского энтузиазма».

МОРП неоднократно выступал в защиту пролетарских писателей, когда им грозили суд и физическая расправа. Вместе с А. М. Горьким он поднял свой голос в защиту И. Р. Бехера, и массовая кампания протеста сорвала судебный процесс против немецкого писателя, обвиненного в «государственной измене» за книги «Люизит» и «Труп на троне». Кампания, поднятая в советской и мировой прогрессивной печати в связи с преследованием в Германии Э. Вайнерта и Ф. Вольфа, свидетельствовала о том, что связи между пролетарскими литературами не ограничиваются творческим взаимодействием — в повседневных буднях проявлялась присущая им солидарность и дружеская взаимопомощь.

Многие революционные писатели, вынужденные надолго покинуть свою родину, встретили в Советском Союзе радушный прием и благоприятные условия для работы. Итальянец Дж. Джерманетто и кигаец Эми Сяо, большая группа венгерских писателей-эмигрантов — Б. Иллеш, М. Залка, Ш. Гергей и другие, — немецкие писатели-антифашисты — И. Р. Бехер, Э. Вайнерт, В. Бредель, Ф. Вольф, — активно включились в советскую литературную жизнь, много писали, переводили, стремясь поднять дух интернационализма в родных литературах и крепить единство социалистического искусства разных стран.

В стихотворении «Благодарность друзьям в Советском Союзе» (1942) И. Р. Бехер писал впоследствии:

...А вы, вы братски приняли меня,
И труд мой вы заботой окружили,
Что силы темные не раздавили
Меня тогда, лишь вы мне обязаны.
Спасибо вам, что вы меня растили:
Согретый жаром вашего огня,
В своих стихах я рос день ото дня —
Так вы, друзья, свой труд в мой труд вложили ²⁶.

МОРП уделял порой немалое внимание эстетическим проблемам, которые в наше время кажутся легко разрешимыми. Например, какие формы — малые или крупные — должны в первую очередь привлекать к себе внимание пролетарских писателей? Нередко предпочтение отдавалось малым формам как наиболее оперативным и доступным для читателя. Обсуждался также вопрос, откуда придут в литературу свежие силы — из числа рабочих корреспондентов или же из передовой интеллигенции? К верному разрешению этих проблем МОРП пришел только в конце своей деятельности.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., приведшее к ликвидации РАППа, имело решающее значение для судеб МОРПа. В специфических условиях работы за рубежом, где антагонизм между классами все более обострялся, национальные организации принимали все меры к тому, чтобы решительным образом перестроить свою работу на самой широкой демократической основе и привлечь к сотрудничеству ранее стоявших в стороне художников. Письмо И. Р. Бехера к А. Гидашу в Москву от 27 июля 1932 г., содержащее критику деятельности секретариата МОРПа, его же сообщение от 3 июля 1932 г. о том, что конференция коммунистической фракции Союза пролетарско-революционных писателей Германии приняла решение полностью перестроить работу Союза и выбрать новое руководство фракции, наконец, его письмо от 4 ноября 1933 г., критически оценивающее журнал «Интернациональная литература», — все это отражало сдвиги, происшедшие в национальных секциях МОРПа.

К 1932—1933 гг. творческие ряды МОРПа были весьма значительны. Помимо делегации Оргкомитета советских писателей, в Международное объединение входили

Союз пролетарско-революционных писателей Германии (около пятисот человек) с такими видными членами, как И. Р. Бехер, Л. Ренн, Анна Зегерс, В. Бредель, О. М. Граф, К. Грюнберг; Союз пролетарско-революционных писателей и художников Венгрии (шестьдесят человек), имевший отделения в Берлине, Праге, Нью-Йорке и числивший в своих рядах Б. Иллеша, М. Залку, А. Габора, А. Комьята, Я. Матейку и др.; Союз пролетарско-революционных писателей Австрии — около восьмидесяти членов; «Лига левых писателей» Китая (около ста человек), в состав которой входили Лу Сянь, Мао Дунь, Эми Сюа; американская секция, возникшая в результате слияния журнала «New Masses» и Клуба Джона Рида и сумевшая выдвинуть такого писателя, как М. Голд, а также привлечь к сотрудничеству Т. Драйзера, Ш. Андерсона, Дж. Дос Пассоса; сильная и активно работавшая японская секция, насчитывавшая несколько сот членов; чехословацкая, французская и голландская секции; испанская секция, оформившаяся на основе созданного еще в 1931 г. Союза революционных и прогрессивных писателей Испании; английский клуб им. Роберта Трессела, а также группы польских, болгарских, латвийских и западноукраинских писателей.

* * *

К середине 1930-х годов МОРП исчерпал свои возможности. В новой обстановке, сложившейся как в советской, так и в передовой зарубежной литературе, созрела необходимость создать новую международную писательскую организацию. Выработанная VII Конгрессом Коминтерна (1935) стратегия сплочения всех общественных движений, ратующих за идеалы демократии и социализма, за мир и свободу народов, выступающих против фашистской угрозы культуре и науке, отражала истинную потребность времени. Она вобрала в себя запросы и нужды бурной эпохи Единого фронта пролетарских партий и Народного фронта всех антифашистских сил. Такая стратегия учитывала подлинную линию размежевания в мировой литературе, резко отделяющую реакционную и профашистскую литературу от гуманистического искусства. Она способствовала сплочению прогрессивно мыслящих художников в общем стане борцов против фашизма и империалистических войн и помогла преодолеть немало разногласий между этими художниками. Плечом к плечу выступили против фашизма Г. и Т. Манн и И. Бехер, А. Цвейг, Ст. Цвейг и Анна Зегерс, Л. Фейхтваггер и Б. Брехт. Французский и немецкий писатели — А. Барбюс и Г. Манн председательствовали на одних и тех же политических митингах. М. Залка сражался в Испании против фашистской интервенции вместе с М. Кольцовым, Л. Ренном и Э. Хемингуэем. Видя свое спасение в существовании Советского Союза, передовая интеллигенция мира осознала и свою огромную ответственность за сохранение общечеловеческой культуры.

Знаменательным событием накануне Парижского конгресса стал съезд американских революционных писателей в Нью-Йорке (26—28 апреля 1935 г.). Съезд проходил еще под эгидой МОРПа (Ф. Вольф передал Конгрессу горячие приветствия секретариата Международного объединения), но он предвещал уже наступление эры Народного фронта. В единстве действий пролетарских и — шире — демократических движений, протекавших как в национальных границах, так и в международных рамках, усматривали ораторы съезда (из США, Мексики и других государств) гарантию против опасности фашизма и залог процветания революционной литературы. На съезде была создана «Лига американских писателей борьбы против войны и фашизма», и в ее руководство вошли вместе с М. Голдом и А. Мальцем также Л. Стоффенс и Э. Колдуэлл, как бы наглядно олицетворяя осуществление нового принципа формирования руководящих писательских органов.

Парижский конгресс, открывшийся 21 июня 1935 г. в зале Mutualité, собрал выдающихся мастеров пера, славу мировой литературы. Хотя А. М. Горький по болезни не смог приехать в Париж, его незримое присутствие чувствовалось на конгрессе. Первостепенным и ранее едва ли возможным событием, или, как остроумно выразился М. Кольцов, «приятным разочарованием», стал тот факт, что за одним столом встретились писатели самых различных взглядов, объединенные общим стремлением к миру, ненавистью к фашизму и войне, заботой о процветании культуры. Рядом с французскими писателями А. Барбюсом, Л. Арагоном, Ж. Р. Блоком,

П. Вайяном-Кутюрье, А. Жидом, А. Мальро, Ж. Бенда, Ж. Геэно, П. Низаном сидели представители советской культуры — М. Кольцов, А. Толстой, Ф. Панферов, Н. Тихонов, П. Тычина, Я. Колас, Вс. Иванов, А. Лахути, И. Эренбург, Б. Пастернак, Г. Табидзе, В. Киршон, А. Караваева, И. Луппол. Подлинную Германию защищали в своих речах Г. Манн, А. Зегерс, Л. Фейхтвангер, Б. Брехт. Писатели и художники США и Англии — М. Голд, У. Фрэнк, Э. Форстер, О. Хаксли встретились с датчанином М. Андерсеном-Нексё, турком Я. Калри и прибывшим из фашистской Германии Я. Петерсеном, который выступил с трибуны в маске. В зале Mutualité собрались художники слова, которые, как писал А. М. Горький в своем обращении к конгрессу, глубоко чувствовали, насколько оскорбительно для них возникновение фашизма. Горячие приветствия конгрессу прислали Т. Драйзер, Э. Хемингуэй, Дж. Дос Пассос, Дж. Джойс, Сельма Лагерлёф, К. Чапек.

При всем единстве устремлений и целей, Парижскому конгрессу была свойственна внутренняя идеологическая неоднородность; противоречия во взглядах на историческую роль социализма и место литературы в общественной жизни давали о себе знать. Это обстоятельство объясняет, например, почему некоторые писатели (А. Жид и др.) вскоре отошли от идей конгресса. Известная часть европейской интеллигенции, переживавшей, говоря словами А. Толстого, «кризис отказа от всех установок буржуазного гуманизма»²⁷, только на короткое время проявила желание подняться над своим прошлым. Наиболее активное и боевое крыло составили советские писатели, а также такие западноевропейские гуманисты, как Р. Роллан, Г. Манн, Л. Фейхтвангер и бывшие члены зарубежных секций МОРПа, которые приобрели в лице А. Барбюса авторитетного советчика и руководителя.

Культура, мир, социализм — эти явления получили в речах большинства писателей неразрывность и взаимообусловленность. Проблема свободы творчества решалась в зависимости от истолкования этих кардинальных понятий. А. Барбюс противопоставил буржуазному национализму, враждебному свободной мысли, навязывающему писателю «роль факельщика, который освещает путь своего господина», культурную политику Советского Союза, отвергающую национализм и расовую вражду, содействующую расцвету литературы и укреплению мира.

Конгресс стал свидетельством неиссякаемой веры мирового писательского авангарда в жизнь, общество, человека. Будущее человечества и его культуры не мыслилось отдельно от социальных устремлений рабочего класса — и это явилось одним из ценнейших результатов работы конгресса. Вспоминая впоследствии об идейных завоеваниях конгресса, М. Кольцов писал, что все лучшее, все честное, что сохранилось среди интеллигенции капиталистического общества, идет к рабочим, подымает кулак на пролетарский манер²⁸.

На Парижском конгрессе была основана Международная ассоциация писателей для защиты культуры. В Постоянное бюро Ассоциации вошли сто двенадцать представителей от тридцати пяти стран, среди них — А. М. Горький, А. Барбюс, Г. Манн, Р. Роллан, Э. Форстер, Б. Шоу, С. Льюис, Сельма Лагерлёф, М. Кольцов, А. Толстой, М. Шолохов, И. Эренбург и многие другие. Местопребыванием руководящего центра Ассоциации был избран Париж.

* * *

Международное объединение революционных писателей в декабре 1935 г. перестало существовать. Оценивая историческое значение этой организации, нужно подчеркнуть, что МОРПу и его предшественнику, МБРЛ, удалось сплотить в единую когорту изолированных друг от друга пролетарских художников мира. Многим писателям они помогли освободиться от пуг реформизма, авангардизма. МБРЛ и МОРП способствовали формированию писателей нового типа. В этом их несомненная заслуга.

Обе организации стремились включить в сферу своего влияния как пролетарских писателей, пришедших в ряды национальных коммунистических партий, так и других художников, которым в той или иной мере были близки идеи революционного преобразования общества. А. Серафимович, А. Фадеев, Б. Ясенский, И. Микитенко и Ф. Панферов, Б. Иллеш и М. Кахана, И. Р. Бехер и Л. Арагон, М. Андерсен-Нексё и

РОМЕН РОЛЛАН

Рисунок Франса Мазерееля, 1935

С репродукции, предоставленной
«Литературному наследству»
художником

Лу Синь, Б. Брехт и Ш. Андерсон, М. Голд, А. Барбюс и Дж. Дос Пассос, Анна Зегерс и Т. Драйзер — вот всего лишь несколько имен, показывающих диапазон организационной деятельности МОРПа.

Примечательно, что Р. Роллан сохранил и в середине 1930-х годов добрые чувства и горячие симпатии к МОРПу, хотя формально никогда не входил в число членов этой боевой организации пролетарских и революционных писателей мира. В письме к А. М. Горькому от 28 декабря 1934 г. Роллан поделился своими мыслями о МОРПе: «Барбюс извещает меня, что Международное объединение революционных писателей (МОРП) расформировано <1> и будет заменено новой организацией, с более широко открытым доступом, основное местонахождение которой будет в Париже. — Я сожалею об этом <...> Москва должна, по моему мнению, оставаться центром великого нового движения. К ней обращены и к ней должны все более и более обращаться взоры свободных и смелых умов всего мира <...> И я даже не очень большой сторонник расширения кадров. Мы живем в период кризиса, в условиях которого было бы неосмотрительно слишком ослаблять строгость мысли»²⁹.

После XX съезда КПСС проблематика, связанная с историей МОРПа и его значением в мировой литературе, прочно вошла в круг интересов советских и зарубежных исследователей. Появились статьи по истории МОРПа в народной Венгрии. Ценные исследования были недавно опубликованы в Германской Демократической Республике. Международная литературоведческая конференция 1962 г. в Лейпциге, посвященная проблемам немецкой социалистической литературы 1918—1933 гг., отчетливо показала, что современное марксистское литературоведение не может исследовать генезис социалистического реализма в капиталистических странах без учета идейно-организационной работы, которую выполнял МОРП.

Деятельность МБРЛ и МОРПа нельзя считать ни безукоризненной, ни сплошь ошибочной. Упрощенный и прямолинейный подход неизбежно сузил бы наши представления о сложных, подчас противоречивых процессах, которые обуславливали деятельность

этих объединений. Но можно с уверенностью сказать, что работа МБРЛ и МОРПа была исполнена кипучей внутренней динамикой, глубокого оптимизма и пламенной революционной патетики; она во многом отвечала запросам времени и требованиям искусства социалистического реализма. В развитии мирового искусства, в сосредоточении передовых сил всемирной литературы на стороне социалистической революции заключен и вклад МОРПа: организация эта способствовала формированию целого поколения пролетарских писателей.

В известной мере практика МБРЛ и МОРПа отвечала новаторскому типу взаимосвязей, сложившемуся между передовыми литературами мира после Октября 1917 г. Эти организации способствовали всестороннему идейному обогащению писателей разных стран, эстетическому взаимодействию литератур при сохранении за каждой из них неповторимых особенностей и традиций.

На каждом этапе развития прогрессивной литературы XX в. перед художественными организациями возникают особые задачи. МОРП решал проблемы, связанные с начальным периодом мировой литературной революции. Международная ассоциация писателей для защиты культуры преодолела узость и ограниченность эстетической платформы МОРПа. Но нельзя не видеть внутренней преемственности и глубинной сочлененности в жизнедеятельности этих организаций. За МОРПом сохранилась почетная роль зачинателя. Его история — это перечень побед, преодоленных и не преодоленных трудностей в собирании прогрессивных писательских сил на стороне социализма.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 106 и 116.

² Л. Ф е й х т в а н г е р. Собр. соч., т. I. М., 1939, стр. VI.

³ «Пролетарская культура», 1920, № 17-19, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 1—5.

⁵ Архив АН СССР, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 617. Резолюция была опубликована в «Правде», 1924, № 208, 13 сентября.

⁶ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924, № 172, 30 июля.

⁷ См. стр. 38 настоящ. тома.

⁸ Там же.

⁹ См. стр. 41 настоящ. тома.

¹⁰ И. Б е х е р. О революционно-пролетарской литературе в Германии.— «На литературном посту», 1927, № 15-16, стр. 5—7.

¹¹ «Правда», 1927, № 260 от 13 ноября.

¹² «Вестник иностранной литературы», 1928, № 1, стр. 147.

¹³ «Вестник иностранной литературы», 1930, № 4—6. См. также на стр. 554—558 настоящ. тома.

¹⁴ «Вестник иностранной литературы», 1930, № 5, стр. 5.

¹⁵ «Der Sonntag», 1965, 24 января.

¹⁶ «Литературная энциклопедия», т. 7. М., 1934, стлб. 85.

¹⁷ Стенографический отчет о Харьковской конференции был напечатан в специальном номере журнала МОРПа «Литература мировой революции», вышедшем на русском, французском, английском и немецком языках (1931). См. также воспоминания А. Исбаха и Л. Ренна в настоящ. томе.

¹⁸ «Новый мир», 1936, № 10, стр. 228.

¹⁹ «Литература мировой революции», 1932, № 4, стр. 5.

²⁰ Там же, стр. 13—14.

²¹ Там же, стр. 9.

²² Там же, стр. 13.

²³ Там же, стр. 6.

²⁴ ИМЛИ, ф. 173, оп. 1, ед. хр. 17, л. 4—4 об.

²⁵ См. «Первый Всесоюзный съезд советских писателей», Стенографический отчет. М., 1934, стр. 277.

²⁶ И. Б е х е р. Избранное. М., 1956, стр. 323.— Перевод Вл. Нейштадта.

²⁷ «Литературная газета», 1935, 25 июля.

²⁸ М. К о л ь ц о в. Оборона культуры.— «Правда», 1935, 25 июля.

²⁹ «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами».— «Архив А. М. Горького», т. VIII. М., 1960, стр. 353—354.